

Ж. В. Николаева

К вопросу о современном понимании культурной идентичности итальянцев

В этом небольшом исследовании нам хотелось бы затронуть один немаловажный аспект, связанный напрямую с процессом объединения страны: вопрос, касающийся не только Италии, но и любого государства, претендующего на формирование нации внутри его политических границ.

Основное понятие, на котором нам хотелось бы остановиться — понятие «идентичности»: культурная идентичность народа (нации). Некоторые народы, очевидно, демонстрируют свою культурную идентичность, которую можно эмпирически ощутить, с древнейших времен (Китай, Индия). Другие утрачивают ее в процессе вторжений, ассимиляции или вследствие глобализационных процессов. Есть страны, которые представляют собой конгломерации различных этнических групп, и их «идентичность» может быть «наднациональной» т. е. если она инсталлирована сверху самим государством. Нам знакомы также примеры национальной идентичности, сформированной по религиозному признаку, и народы, обладающие сильной культурной традицией в отсутствие национальной территории (пример народа Израиля в прошлом). В нашей стране время от времени усиливаются призывы, обращенные к прослойке интеллектуалов (ученым, представителям культуры) с предложением помочь государству в поисках или создании «национальной идеи», которая сама задерживается со своим появлением на свет. Но рассмотрим случай Италии.

Прежде всего, необходимо отметить, что данная проблематика весьма слышна в *Bel Paese*, широко обсуждается в печати и научных кругах. Ключевые слова таких дискуссий всегда предполагают комментарии по поводу сильного влияния т.н. «кампанилизма» (местничества, регионализма, локализма) — от слова «кампанила» — колокольня, которая всегда наличествует даже в самых маленьких поселениях, образованиях и обозначает что-то вроде «каждый по-своему под своей колокольной», и термин «итальянскость» (*italianità*) введенный в обиход сравнительно недавно. Но насколько последний абстрактен или конкретен, истинен или ложен?

Нам хорошо известно из мировой истории, что Италия была объединена значительно позже других европейских государств и Руси, позднее были объединены только немецкие земли. Это — исторический факт. При этом мы бы никогда не смогли сказать, что Италия в истории, культуре, ее язык, искусство, существуют только момента Объединения. Напротив, название страны встречается уже у древних греков (Полибий и др.) и продолжает использоваться в течение всех последующих веков в разных контекстах для обозначения географического понятия, все-таки, примерно соответствующего современным границам страны. Мы использовали два крайних временных маркера: Античность и XIX в., но пришли к выводу, что их фиксация не помогает понять, существовало ли в историческом срезе понимание «итальянского» (*italianità*), «чувство итальянца», т. е. национальная самоидентификация, возможно, и выраженная в других терминах, и если да, то что она собой представляет.

Рассмотрим некоторые данные и источники. Прославленному Массимо Д'Адзельо, одному из активных участников процесса политического объединения Италии, так часто упоминавшемуся в дни празднования 150-летия этого события, приписывается изречение, которое объясняет актуальность и важность постановки проблемы на момент объединения: «Италию мы создали, теперь мы будем создавать итальянца».

То есть *italianità* как проявление аутоидентификации народа Италии нуждалась в чем-то внешнем акте: главы государства, Папы Римского, Всевышнего, писателя? Да, в Италии очень популярна такая точка зрения: итальянская общая нация должна еще только появиться вследствие постоянного и постепенного распространения единых социокультурных стандартов на территории всей страны, и этот процесс не закончен, а в некоторых составляющих культуры и вовсе потерпел фиаско. Проблема «может быть представлена “с точностью до наоборот”, — высказывается в отношении объединения страны Массимо Монтанари, профессор истории Средних веков Болонского Университета, — наконец-то итальянцы создали Италию».¹ Если же зарождение *кампанилизма* связано со временем появления сильных, независимых и процветающих итальянских городов-коммун, т. е. со Средневековьем, то логично ли, что мы ищем корни итальянской цельной аутентичности в постнаполеоновском времени,

¹ Montanari M. L'identità italiana in cucina. Roma; Bari: Editori Laterza, 2010. P. VII.

в националистическом духе борьбы с Габсбургами, в революционном романтизме эпохи Рисорджименто?

Медиевист Монтанари подчеркивает, что Италия «*образа жизни*», повседневных практик, ментальности, т. е. культуры, существовала всегда, а наглядным образом как минимум со Средних веков, а «Италия культуры — что значительно шире, чем политическое образование — определяет идентичность страны».² Подобное суждение мы находим и у Жака Ле Гоффа в работах, посвященных истории Европы.

Попробуем представить себе Италию эпохи Возрождения, а точнее, «многие Италии». Какими были политические, лингвистические, ментальные барьеры для представителей культуры? Мы полагаем, что таковых было немного. Рожденный на крайнем юге находит себе высочайшее место официального скульптора Пизанской республики и входит в историю под именем Николо Пизано. Живописцы, ремесленники, каменщики, объединенные в группы, постоянно переезжают с места на место, распространяя знания, художественные идеи; поэты приглашаются к далеким королевским дворам, где, кажется, говорят на другом языке, однако их там понимают и высоко ценят их слог.

Русский искусствовед и большой знаток Италии Павел Муратов, в «Образах Италии», написанных в начале XX в., показывает очень глубокое понимание и, как сказали бы сейчас, «культурологическое» видение функционирования Комедии масок, настоящего народного театра, который объединял все социальные слои в XVII–XVIII вв.: «Чрезвычайно типичной для Италии является связь каждой из этих масок с каким-нибудь определенным городом. Здесь еще раз сказывается яркий индивидуализм итальянских городов, стремящихся создать непременно свое во всем — в истории, в искусстве и даже в комедийном характере. На сцене каждый из этих персонажей говорил на диалекте своего города. Комедия масок смешивала детский говор венецианца Панталоне с грубоватой речью Доктора, который, как и подобает ученому, родился в ученой Болонье. Арлекин из Бергамо и Бригелла из Брешии должны были немало помогать мимикой своему выговору, такому чужому для итальянского уха. Пульчинелла со времен Цицерона составляет необходимую принадлежность Неаполя. Менегино родом из Милана, Фаджолино — из Болоньи, Стенгерелло — флорентинец, Паскариелло — римлянин. У итальянской маски,

² Ibid.

как видно, была своя карта, так же ярко окрашенная в местные цвета, как карта итальянской живописи и поэзии».³ Не только говор, но и способы репрезентации, которые являются следствием образа мыслей и культуры своей местности, отличали разных персонажей. Разношерстная итальянская публика прекрасно понимала актеров и любила их независимо от происхождения. А мы не знаем нигде более такого успеха народного театра, успеха уровня Комедии масок.

Мы видим, что существует нечто, что прочно связывает такие разные культуры, в происхождении которых генеалогия кельтов и сиколов, этрусков и венетов, лигурийцев и бывших калавров — унитарная модель, ментальный код, открытый для большинства представителей этнических групп Италии, или, как мы бы выразились в терминах культурологии, *код культуры*. Культурный код итальянцев, как нам представляется, должен иметь очень обширную, усложненную и исторически давнюю структуру, в то же время эта структура должна быть очень прочной, так как и сейчас массовая смеховая культура часто опирается на диалектальные особенности, региональные клише, на экзальтацию локальных черт.

Кажется, что современная итальянская наука приблизилась именно в последнее время к раскрытию цепочек такого кода хотя бы частично. При этом ряд ученых опирается на исследования повседневных практик и их форм репрезентации в культуре. Массимо Монтанари не только преподаватель Средневековой истории Болонского университета, но и единственного в своем роде Университета гастрономических наук в пьемонтском Бра, специалист по истории гастрономии. В своей книге — основном источнике для российских ученых культурологов, занимающихся культурой еды, — ученый прослеживает эволюцию итальянской кухни и сопровождает ее большим источниковедческим материалом. Книга известна у нас под названием «Итальянская кухня. История одной культуры»⁴ и написана в соавторстве с Альберто Каппати. В апреле 2011 г. на Санкт-Петербургском международном книжном салоне болонский ученый представил другое свое произведение — «Голод и изобилие: история питания в Европе»,⁵ по выражению из пресс-релиза мероприятия, книгу «не столько

³ Муратов П. П. Образы Италии. В 3 т. СПб.: Азбука-классика, 2009. Т. 1. С. 66.

⁴ Каппати А., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. М.: Новое литературное обозрение. 2006.

⁵ Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе. Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. А. Миролюбовой. СПб.: «Александрия», 2009.

о кулинарной истории Европы, сколько о европейской цивилизации в целом». В 2010 г. в ряду всеобщей подготовки к празднованию в виде разнотипных мероприятий, посвященных 150-летию объединения Италии, М. Монтанари опубликовал еще одну монографию — плод многолетних исследований в области истории культуры питания. Ее название можно перевести как «Итальянская идентичность в кухне». ⁶ «Итальянская идентичность...» представляет собой расширенное и дополненное издание текста, изданного годом ранее — «Гастрономические модели и итальянская идентичность».

Новый научнообоснованный взгляд предлагает нашему вниманию серьезное рассмотрение того, что мы и так всегда интуитивно понимали: что кухня в Италии — это искусство, и того, что мы только начинаем осмысливать научно: что это искусство — одно из важнейших в культуре страны, особенно в последние десятилетия. В «Итальянской идентичности...» детально разбирается, как, еще до Италии, происходила интеграция различных культурных моделей, принадлежащих народам Европы; как встретились и даже столкнулись средиземноморская и северная традиции питания; демонстрируются аксиологические аспекты восприятия гастрономической культуры и практик питания одной этнической группы другими. Два мира — варварский и римский смешались, составив каждый неотъемлемую часть общей культурной традиции, которая сейчас нам известна как национальная итальянская эногастрономическая культура. Аграрная римская культура внесла свой вклад посредством традиций употребления в пищу хлеба, вина и оливкового масла, в то время как северные этнические группы привнесли использование жиров, мяса, а также молока и молочных продуктов. Их практическое использование сопровождалось ритуализацией и обрело сложное семантическое значение.

В первой главе книги о национальной идентичности итальянцев, автор приводит различные свидетельства тому, как элементы, происходящие из различных регионов, оказывали влияние на появление новой модели производства и потребления продуктов питания. С течением времени одиночные этнические модели питания сублимировались, дав жизнь новой социокультурной реальности. Эту реальность М. Монтанари, что немало важно для современного понимания культуры Апеннинского полуострова, определяет как «европейская».

---

⁶ Montanari M. Op. cit.

Когда же в Средневековье Италия начинает представлять собой «*сеть городов*»,⁷ в стране возникает собственная культурная и политическая идентичность, которая, по мнению автора, может быть определена современным термином *сетевая*.⁸ И именно тогда начинает обретать форму собственная итальянская эногастрономическая модель, которая просматривается и в наши дни. В течение так называемого периода расцвета итальянских коммун, города, т. е. городские центры, управляют аграрной окраиной и, являясь «сетью», создают идеальную культурную диффузию посредством циркуляции идей, людей, товаров и продуктов. К этой же эпохе относится и зарождение славы лучших местных деликатесов, которые сегодня мы изучаем как культурный феномен: пармезан, парма, болоньез, специи, как принято называть их в северной Европе, и других, менее известных за границей, но знаменитых на родине.

Начиная с XIV в. в Италии появляются рецептари, такие как *Liber de coquina*, написанный на Сицилии и обработанный при Анжуйском дворе Неаполя, и еще один сборник рецептов, возможно, впервые опубликованный в Сиене, чьей степени распространенности и известности можно только позавидовать. Тексты переписывались, адаптировались к местным традициям, перерабатывались в различных частях полуострова и снова публиковались. В 1548 г. уже вышел настоящий «гастрономический гид» по разным областям всей Италии, где от Сицилии до Швейцарии, почти без исключений, описывается гастрономическая культура разных городов. Книга была написана миланским эрудитом Ортенсио Ландо.

Уже за несколько веков до этого отмечается распространение *культуры пасты*, известной с древнейших времен, но теперь приготавливаемой различными способами, характеризуемыми чем-то, что мы могли бы теперь назвать «местным духом», т. е. появляется множество разнообразных местных «оттенков», определяющих успех современной итальянской эногастрономической культуры в области потребления «макаронных изделий». Наличие «большой емкости, полной макарон» зарегистрировано в документах одной генуэзской описи 1279 г.⁹ Феномен значимости употребления пасты фиксируется, с большим ускорением, в XVII в., особенно в южных областях будущей Италии.

⁷ Ibid. P. 7.

⁸ Ibid.

⁹ Цит. по: Ibid. P. 15.

Многие области и регионы Италии в обыденном языке характеризуются посредством типичного для данной местности продукта или блюда. Любопытный пример мы находим также в одном пассаже из «Итальянской идентичности в кухне»: «Апельсины уже на нашем столе, и мы приступаем к их поеданию. С макаронами нужно еще подождать, они еще не сварились».¹⁰ Это — дипломатическая переписка 1860 г., в которой Камилло Кавур описывает пьемонтскому послу в Париже состояние дел на полях сражений одного из последних этапов Рисорджименто. Это означало: «Сицилия (апельсины) уже взята, для Неаполя (макароны) нужно еще время». Гарибальди пишет Кавуру полтора месяца спустя: «Макароны сварились, и мы их поедаем». Еще один пример кода, который «считывается» всеми, если они итальянцы.

В момент объединения Италии Пьемонт был у истоков и во главе процесса и намеревался стать гарантом интересов и традиций всех новообретенных земель. Проявляя максимальное внимание к исторической роли регионов, идеологи объединения не забыли о роли пасты, макарон — типичного продукта Юга страны и особенно Неаполя, в сознании нации. Блюдо было возвышено до национального символа. Возможно, именно тогда определение итальянцев как *popolo de macaronis* окончательно стало национальным атрибутом, очень ярким стереотипом, который и другими признается одним из определяющих артефактов итальянской идентичности. Так, как когда-то этот символ представлял собой знаковый элемент для объединения страны, так и в наше время вся эногастрономическая культура Италии на национальном уровне достигает всеобщего ритуализированного значения. Не случайно глашатай новой ментальности, свободной от всех старых схем, основатель движения футуризма Ф. Т. Маринетти, предлагая модернизировать Италию и итальянский народ, в единстве и «объединенности» которого он не сомневался, обратил свою творческую ярость именно против национальной модели питания. Для создания нового человека, направленного в будущее, русский поэт-футурист В. Маяковский требовал сбросить с парохода современности книги классиков, — связующий раствор национальной русской культуры, а Маринетти объявил, что «Кухня футуристов... будет иметь основным своим принципом отмену употребления пасты».¹¹

¹⁰ Ibid. P. 51.

¹¹ *Fillia e Marinetti F. T. La cucina futurista. Un pranzo che evito' un suicidio.* Milano. Christian Marinotti edizioni. 1998. P. 20.

Утверждение итальянской культуры после объединения страны и ее закрепление в формах сознания, по мнению другого болонского профессора — Пьеро Кампорези, произошло посредством книги, которую читали все итальянские семьи на рубеже XIX–XX вв. как священный текст и которая, по его словам: «сделала больше для объединения страны, чем это смогли сделать «Обрученные» Мандзони».¹² Речь идет о кулинарной книге Пеллегрини Артузи, переизданной много раз, в которой нашли отражение все кулинарные секреты тысяч городков и деревень полуострова, заботливо собранные во время поездок и по письмам итальянцев. Это издание нашло своего читателя во всех уголках страны.

С учетом того, что итальянская эногастрономическая модель менялась в результате политических и социальных коллизий и все еще подвержена изменениям, можно предположить, что ее основные формы и в эпоху постмодерна держится на некой несущей структуре, которую мы определили как язык итальянского культурного кода. Заключение, к которому приходит М. Монтанари, может показаться слишком простым: «Культурная идентичность страны не совпадала с ее политическими формами, но выразилась в образе жизни, в литературных, художественных и гастрономических вкусах».¹³ Хотелось бы подчеркнуть здесь очень точно подобранное определение для прочтения знаков культурного кода: «*национальные вкусы*». После прочтения «Итальянской идентичности в кухне» у читателя не возникает сомнения в том, что итальянский идентификационный код существует и может быть представлен в виде культурной матрицы, разнообразия знаковых систем, дешифруемых итальянцами посредством *вкусов*, в том числе и генетически унаследованных, которые формировались в течение длительного времени.

Феномен гастрономической культуры очень показателен для объективации культуры в целом и ее аспектов, а общие выводы о современном понимании в итальянской науке проблемы национальной идентичности могут быть представлены таким образом:

— *italianità*, т. е. единый итальянский характер культуры, рассмотренный через его репрезентации в повседневных практиках, присутствует минимум со Средних веков;

¹² Camporesi P. Introduzione e note a Pellegrino Artusi, La scienza in cucina e l'arte di mangiar bene / Einaudi. Torino. 1970. P. 2

¹³ Montanari M. Op. cit. P. 45

— итальянская культурная идентичность представляет собой матрицу, проверенную веками, многослойную и художественно переработанную структуру;

— гастрономическое разнообразие, так же как и культурное разнообразие, создало «сеть» взаимных связей на уровне ментальности;

— для понимания повседневной культуры такой страны, как Италия, необходимо учитывать всю широту вкусов, ее формирующих, и уметь различать в этой мозаике основной рисунок и окружающий орнамент;

— только при таком видении можно приблизиться к правильной интерпретации проявлений итальянского мультикультурализма.

В Италии все еще присутствуют локальные и региональные проявления разобщенности (см. пример кампанилизма в культуре и политике). Но именно благодаря глубокому знанию базовых аспектов культуры других областей и регионов и существует это проявление «итальянскости», которое мы с таким удовольствием открываем для себя.

Мы полагаем также, что для итальянцев это должен быть великий ментальный труд: не игнорировать, а понимать множество проявлений вкусов, предпочтений и традиционных знаний других соотечественников. У М. Монтанари для этой цели вводится полезный неологизм — *«составное сознание»*, которое, хоть и является феноменом, связанным с кампанилизмом, эпистемологически обогащает знание «национального». Для нас же итальянская культурная идентичность представляет собой именно комплекс чрезвычайно разнообразных проявлений, выверенных с течением времени, и формирующих коллективное сознание, которое, в свою очередь, определяет национальную модель.

Итальянская многогранная модель культуры, хочется думать, будет таковой и оставаться, а не унифицироваться. В заключение хотелось бы привести слова из много раз процитированного текста: «Италия, со своей тысячей идентичностей «от колокольни», возможно, находится в правильном положении для доказательства функциональности своей национальной модели... и питания тоже... исключительно подходящей для противостояния угрозе глобализации, которая, кажется, всех нас ждет в ближайшем будущем».¹⁴

---

¹⁴ Montanari M. Op. cit. P. 81

J. V. Nikolaeva

Sulla questione della recezione dell'identità culturale italiana in età contemporanea

Con questo breve studio vorrei toccare un argomento importante e direttamente legato al processo dell'unificazione del Paese: una questione che riguarda non solo l'Italia, ma ogni stato che aspiri alla formazione di una nazione all'interno dei suoi confini politici.

Il temine principale su cui sento il dovere di soffermarmi è la parola "identità": l'identità culturale di una nazione. Alcune nazioni hanno tale identità culturale evidente ed empiricamente sentita sin dai tempi antichi (Cina, India). Altre la perdono con invasioni, assimilazioni o per gli effetti della globalizzazione. Taluni paesi si presentano come conglomerazioni di diversi gruppi etnici e lì l'identità può essere solamente *sopranazionale*, cioè calata dall'alto, proveniente dallo stato stesso. Conosciamo anche esempi di identità basate sui principi religiosi e nazioni con una forte identità culturale in assenza del territorio nazionale (ad esempio il popolo d'Israele in passato). Nel nostro paese talvolta si rafforzano le voci di richiamo al ceto degli intellettuali di "dare una mano" allo stato nella ricerca o creazione di "un'idea nazionale", che da sola ritarda a nascere. Ma guardiamo il caso italiano.

Prima di tutto bisogna segnalare che tale problematica è molto sentita nel Bel Paese, largamente discussa sulla stampa e nel mondo accademico. Le parole chiave delle discussioni prevedono sempre un'osservazione sulla forte presenza del cosiddetto "campanilismo" (dal campanile, che è tassativamente presente anche nelle località minuscole e che indica una sorta di "proprio modo di fare o di pensare sotto ogni campanile") e di un concetto di "italianità" introdotto nel linguaggio tramite un pensiero abbastanza recente. Ma quanto astratto o concreto, vero o falso è quest'ultimo?

Sappiamo benissimo dalla storia mondiale che l'Italia è stata unificata molto tardi rispetto ad altri paesi europei e anche alla Russia (successivamente si unirono solo le terre di Germania). Questo è un dato di fatto. Ma non potremmo mai dire che l'Italia della storia, della cultura, della lingua, dell'arte, esiste solo da allora. Anzi, il nome del territorio si trova già nelle fonti dei Greci antichi (Polibio e altri) e continuamente si usa lungo tutti i secoli successivi come una demarcazione del concetto geografico più o meno corrispondente ai confini attuali. Quindi queste due estremità temporali non aiutano a capire se

storicamente il concetto di italianità, di italiano, di identità nazionale (magari anche espresso in termini diversi) esistesse e che cosa rappresentasse.

Vediamo alcuni dati e fonti. Il celebre Massimo d'Azeglio, uno dei fautori politici dell'unità d'Italia, tante volte ricordato in questi giorni della celebrazione del 150° Anniversario, sembra aver pronunciato la frase che spiega — se non le sue idee politiche — l'importanza attuale della problematica: "L'Italia è fatta, ora facciamo gli italiani".

Cioè *l'italianità*, l'identità del popolo italiano, aspettava l'azione ispirata del Capo dello stato, del Papa, di Dio, di un letterato? Sì, esiste ed è molto diffuso anche il punto di vista secondo cui la nazione italiana unita dovrebbe ancora realizzarsi in seguito alla costante applicazione mirata dei comuni standard socio-culturali a tutto il paese e che il processo è tuttora in atto e per alcuni aspetti culturali è anche fallito. La questione "si sarebbe potuta rovesciare", — afferma riguardo l'unificazione del paese Massimo Montanari, professore di storia medievale dell'Università di Bologna, — "finalmente gli italiani avevano fatto l'Italia".¹ Se il concetto del campanilismo trova le sue radici nell'epoca dei forti, indipendenti e fiorenti comuni italiani, cioè nel Medioevo, vuol dire che dobbiamo cercare le radici dell'autenticità italiana integrale nell'età post-napoleonica, nello spirito nazionalista contro il potere austriaco, nel romanticismo rivoluzionario del Risorgimento?

Lo storico medievalista M. Montanari sottolinea che l'Italia *dei modi di vita*, delle pratiche quotidiane, degli atteggiamenti mentali, cioè della cultura, è sempre esistita, ed è evidente almeno dal Medioevo, e che "L'Italia della cultura — ben più dell'unità politica — definisce l'identità di un paese".² Lo stesso concetto espresso con altre parole era stato formulato tempo prima anche negli scritti di Jack Le Goff sulla storia europea.

Infatti, se immaginiamo l'Italia del Rinascimento, ovvero tante Italie, quali erano le barriere politiche, linguistiche, mentali per gli esponenti della cultura? Sembrano poche. Un artista nato nell'estremo sud del paese trova il suo altissimo posto di scultore ufficiale presso la repubblica di Pisa (Niccolò Pisano). Pittori, artigiani, muratori, uniti nelle corporazioni si spostano costantemente trasmettendo le nozioni, le idee artistiche; i poeti vengono chiamati alle corti lontane dove sembra che parlino un'altra lingua, ma invece li capiscono e apprezzano le loro opere.

---

¹ Montanari M. *L'identità italiana in cucina*. Roma; Bari: Editori Laterza, 2010. P. VII.

² Ibid.

Lo storico dell'arte russo, grande conoscitore dell'Italia, Pavel Muratov, riporta nelle sue "Immagini d'Italia", scritte all'inizio del '900, un profondo studio, come diremmo noi ora, culturologico, sul funzionamento della Commedia dell'Arte, sul vero teatro popolare che univa tutte le classi sociali nel Seicento e Settecento: "Straordinariamente tipico dell'Italia è il legame di ogni maschera con una città determinata. Ancora una volta qui brilla l'individualità delle città italiane, che cercano di creare il proprio elemento — nella storia, nell'arte ed anche nel carattere della commedia. Sul palcoscenico ogni personaggio parlava nel dialetto della sua città. Nella commedia dell'arte si mescolava il parlato infantile del veneziano Pantalone con il parlato un po' ruvido del Dottore, che, come si addice ad uno studioso, era nato a Bologna, città accademica. Arlecchino di Bergamo e Brighella di Brescia dovevano aiutare tanto con i gesti il loro dialetto così estraneo all'orecchio italiano. Pulcinella, ancora dai tempi di Cicerone, è un elemento tipico di Napoli. Meneghino è nativo di Milano, Fagiolino è di Bologna, Stenterello è un fiorentino, Pascariello è un romano. Come vediamo, la Commedia ebbe una sua mappa, vivamente colorata nei colori locali, come anche la mappa italiana di pittura e poesia"³ Non solo il parlato, ma anche i modi di dire, che seguono ai modi di pensare e alle culture delle proprie terre, differenziavano i vari personaggi. Il variopinto pubblico italiano li capiva benissimo, li amava indipendentemente dalle origini; e non conosciamo nessun altro successo del teatro popolare nazionale o regionale all'altezza della Commedia.

Vediamo che esiste un qualcosa che unisce fortemente queste culture diverse che hanno in origine genealogie celtiche e sicule, etrusche e venete, liguri e calabresi, — il modello unitario, il codice mentale aperto alla maggioranza del popolo italiano, o, detto nei termini della culturologia, semplicemente *il codice culturale*. Il codice culturale italiano, come ci sembra, deve sicuramente avere una struttura molto ampia, complicata e storicamente profonda, ma anche molto solida, visto che ancora la cultura di massa nella comicità in Italia si basa spesso sulla dialettalità, sui cliché regionali, sull'esaltazione delle caratteristiche locali.

Pare che la ricerca in Italia si sia avvicinata proprio recentemente alla scoperta dei segni di tale codice. A tale scopo alcuni studiosi analizzano le pratiche quotidiane e i modelli delle loro rappresentazioni nella cultura. Massimo Montanari, specializzato anche in storia della gastronomia, professore dell'Università di Bologna e dell'Università del gusto di Bra piemontese, unica nel suo genere,

---

³ Muratov P. Le immagini dell'Italia: in III vol. San Pietroburgo: Azbuka-klassica, 2009, Vol. I. P. 66.

nel suo libro — fonte principale per gli studiosi di cultura russi che si occupano della cultura gastronomica italiana — segue l'evoluzione della cucina in Italia e l'accompagna ad una notevole quantità di materiali storici. Il libro, conosciuto da noi con il titolo “Cucina italiana. Storia di una cultura”⁴ è stato scritto in collaborazione con Alberto Cappati. Nell' aprile del 2011 alla fiera letteraria internazionale di San Pietroburgo, lo studioso ha presentato un'altra sua opera: “La fame e l'abbondanza in Europa”⁵ il che, secondo quanto dichiarato dalla stampa, rappresenta “non tanto la storia della cucina in Europa quanto la storia della civiltà europea in generale”. Nel 2010, dedicato proprio alle celebrazioni e agli eventi culturali legati al 150° anniversario dell'unità d'Italia, Montanari pubblica un libro, frutto di lunghe ricerche. Il libro si intitola “L'identità italiana in cucina”⁶ ed è un volume che ripropone il suo saggio dell'anno precedente “Modelli alimentari e identità italiana” ampliato e rielaborato.

Uno sguardo nuovo, scientificamente fondato, ci propone, nelle parole serie del saggio, quello che abbiamo sempre sentito intuitivamente: che la cucina in Italia è un'arte, e, cosa che iniziamo a capire in campo accademico, che è una delle arti maggiori, soprattutto negli ultimi decenni. Nell'”Identità italiana... è dettagliatamente descritto come avveniva ancora prima della nascita dello stato italiano l'integrazione di modelli culturali diversi appartenuti ai diversi popoli europei, come si incontravano e si scontravano, nelle pratiche quotidiane, le tradizioni alimentari come quella mediterranea e quella settentrionale e i loro aspetti assiologici. Due mondi differenti, barbarico e romano, si sono mescolati costituendo ciascuno una parte integrante ed essenziale di un modello culturale attualmente noto come lo stile enogastronomico italiano. La civiltà agricola romana ha donato la cultura del pane, del vino e dell'olio, mentre i gruppi etnici settentrionali hanno introdotto quello del lardo e di carni diverse e nello stesso tempo l'uso del latte e dei latticini. L'applicazione quotidiana di essi si accompagnava da ritualità e accumulava il complicato valore semantico.

L'autore del libro compone il primo capitolo testimoniando come gli elementi della cultura del cibo provenienti dalle diverse regioni europee contribuirono al nuovo modello produttivo e alimentare. Con lo scorrere del tempo scomparvero i singoli modelli alimentari etnici, dando vita ad una nuova realtà sociale e culturale. Questa realtà M. Montanari la definisce *europa*.

---

⁴ Cappati A., Montanari M. Cucina italiana. Storia di una cultura. Mosca, 2006.

⁵ Montanari M. La fame e l'abbondanza in Europa. San Pietroburgo, 2009.

⁶ Montanari M. L'identità italiana in cucina. Roma; Bari: Editori Laterza, 2010.

Quando nel Medioevo l'Italia divenne “*una rete delle città*”⁷ il paese conseguì la propria identità culturale e politica che secondo l'autore può essere definita con il termine moderno *di rete*.⁸ E fu proprio allora che prese forma il modello alimentare italiano, che si nota anche ai giorni nostri. Nel cosiddetto “periodo comunale” le città, cioè i centri urbani, governano il territorio contadino, ma essendo una rete producono un'ideale diffusione culturale tramite la circolazione delle idee, degli uomini, delle merci, e vorremmo aggiungere anche della fama dei migliori prodotti alimentari regionali, che oggi studiamo come un fenomeno culturale: *parmigiano, parma, bolognese, spezia* (come vengono chiamati nell'Europa settentrionale) e altri meno noti all'estero ma famosissimi in patria.

A partire dal XIV secolo in Italia appaiono già i ricettari di cucina (come il *Liber de coquina*, creato in Sicilia, elaborato presso la corte angioina di Napoli; un altro libro, edito probabilmente a Siena, la cui circolazione è invidiabile). I testi si copiano, si adattano alle tradizioni locali, si rielaborano nelle diverse aree della penisola e si pubblicano ancora. Nel 1548 già è presente un libro-guida per le specialità gastronomiche ed enologiche delle varie zone di quasi tutta l'Italia partendo dalla Sicilia e arrivando nelle zone dell'attuale Svizzera, il libro proposto dall'erudito milanese Ortensio Lando.

Qualche secolo prima già si segnala la diffusione della *cultura della pasta*, nota dai tempi antichi, ma ora fatta in molti modi diversi, dovuti a ciò che potremmo definire “lo spirito locale”, cioè la varietà delle sfumature regionali, che tutt'ora determina il successo dell'enogastronomia italiana per quanto riguarda il consumo della pietanza che fino a poco tempo fa all'estero si chiamava “maccheroni”. La presenza di una “bariscella plena de macaronis” si registra ancora nei documenti di un inventario genovese del 1279.⁹ Il fenomeno dell'importanza della pasta si accelerò nel XVII secolo, prevalentemente nelle zone meridionali della futura Italia.

Molte località e regioni italiane sono caratterizzate nel linguaggio comune attraverso un prodotto o un piatto tipico. Un esempio curioso lo ritroviamo ancora in un passo dell’*“Identità italiana in cucina”*. “Le arance sono già sulla nostra tavola e stiamo per mangiarle. Per i maccheroni bisogna aspettare, poiché non sono ancora cotti”.¹⁰ Cos'è? È la corrispondenza diplomatica del 1860 in cui Cavour descrive all'ambasciatore piemontese di Parigi la situazione sui campi di

---

⁷ Ibid. P. 7.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 15.

¹⁰ Ibid. P. 51.

battaglia. Significava: la Sicilia (arance) è già presa, per Napoli (maccheroni) ci vuole ancora tempo. Garibaldi scrive a Cavour un mese e mezzo dopo: "I maccheroni sono cotti e noi li mangeremo". Ancora l'esempio di un codice che tutti sanno leggere, se sono italiani.

Al momento dell'unione dell'Italia, il Piemonte, che era all'origine e a capo del processo, e che desiderava essere un garante degli interessi e delle tradizioni di tutti i territori nuovamente uniti, prestò così la massima attenzione al ruolo delle regioni storiche e l'importanza dei maccheroni (tipico prodotto del Sud, e soprattutto di Napoli) fu sottolineata ancora, elevando questo piatto al livello di un simbolo nazionale nella coscienza collettiva. Pare che allora la definizione degli italiani come il *popolo de macaronis* sia stata attribuita definitivamente all'intera popolazione; essa divenne uno stereotipo nazionale molto forte riconosciuto all'estero come uno degli elementi distintivi dell'italianità. Dunque esso una volta costituiva un valore emblematico per il paese, mentre tutta la cultura del cibo in Italia ora assume un significato quasi rituale a livello nazionale. Non è un caso che il proclamatore di una nuova mentalità libera da tutti i vecchi schemi, il fondatore del futurismo F.T. Marinetti, volendo modernizzare l'Italia e il popolo italiano sulla cui unificazione e unità non aveva nessun dubbio, rivolse la propria ira creativa esattamente contro il modello alimentar-nazionale. Mentre per creare un uomo nuovo, indirizzato al futuro, il poeta-futurista russo V. Majakovskij richiedeva di gettare dal vaporetto della modernità i libri dei classici, il cemento della cultura tradizionale russa, Marinetti annunciò che: "La cucina futurista ... avrà come uno dei suoi principi, l'abolizione della pastasciutta".¹¹

L'omologazione culturale italiana dopo l'unione del paese si è accelerata secondo un altro studioso di Bologna, Piero Camporesi, tramite un libro che tutte le famiglie leggevano in Italia come un testo sacro a cavallo dei secoli XIX e XX. Questo libro "ha fatto per l'unificazione nazionale più di quanto non siano riusciti a fare i "Promessi sposi" di Manzoni".¹² Si tratta di un Ricettario di Pellegrino Artusi più volte riedito, che abbracciava tutti i segreti dei gusti locali di migliaia di paesi della penisola, raccolti tramite viaggi e lettere degli italiani, che fu distribuito a livello nazionale.

Anche se il modello alimentare italiano cambiava per via delle trasformazioni politiche e sociali e cambia tuttora, si può presupporre che le sue forme principali

---

¹¹ *Fillia e Marinetti F.T.* La cucina futurista. Un pranzo che evito' un suicidio. Milano. Christian Marinotti edizioni, 1998. P. 20.

¹² *Camporesi P.* Introduzione e note a Pellegrino Artusi // La scienza in cucina e l'arte di mangiar bene. Einaudi. Torino, 1970. P. 2.

persino nella post-modernità si basino sulla stessa struttura portante che da noi è stata definita come il codice del linguaggio culturale italiano. La definizione a cui arriva M. Montanari può sembrare semplice, ma è molto vera: *L'identità del paese non coincideva con le sue forme politiche, ma si realizzava piuttosto nei modi di vita, nei gusti letterari, artistici, e anche gastronomici.*¹³ Qui vorremmo sottolineare la parola piuttosto significativa per la decifrazione semiotica del codice culturale: *i gusti*. Dopo lo studio del testo dell'”Identità italiana in cucina” il lettore non ha più dubbi che il codice d'identificazione italiano esiste e può essere concretizzato come la matrice della cultura: esso consiste nella varietà dei sistemi dei segni decifrabili da parte degli italiani attraverso *i gusti*, anche ereditati geneticamente, che si formarono nel lungo periodo.

Il fenomeno della cultura enogastronomica è molto rappresentativo per oggettivare la cultura in generale e i suoi aspetti. Le conclusioni generali sulla recezione attuale negli studi italiani delle problematiche dell'identità nazionale possono essere presentate nel modo seguente:

— *l'italianità* come il carattere unico della cultura studiata tramite le sue rappresentazioni nelle pratiche quotidiane si registra sin dai tempi del Medioevo come minimo;

— l'identità della cultura italiana è una matrice provata nei secoli, stratificata e artisticamente curata;

— la varietà culinaria come anche la varietà culturale creò una rete di reciproca conoscenza sul piano mentale;

— per capire un paese come l'Italia bisogna conoscere la vastità dei gusti che la formano e saper leggere in questo mosaico il disegno principale e gli ornamenti del tessuto generale;

— solo in questa prospettiva ci si può avvicinare alla giusta comprensione del multiculturalismo italiano.

Esiste tuttora l'Italia dei localismi e dei regionalismi (troviamo esempi di campanilismo nella cultura e nella politica). Ma è grazie alla profonda conoscenza degli elementi base locali e regionali degli altri che esiste l'italianità che andiamo a scoprire sempre con grande piacere.

Va detto altresì che per un italiano dovrebbe essere anche un grande sforzo mentale quello di non ignorare, ma di comprendere i gusti, i sapori e i saperi degli altri italiani, che sono tantissimi. Sempre in Montanari troviamo anche un nuovo termine molto utile, quello di “*conoscenza condivisa*” che, pur essendo un

¹³ Montanari M. Op. cit. P. 45.

fenomeno legato al campanilismo, arricchisce gnoseologicamente il sapere nazionale. Per noi l'identità culturale italiana si presenta proprio come un insieme di straordinarie varietà espresse in proporzioni elaborate nel corso dei tempi, che formano una coscienza collettiva che a sua volta compone il modello nazionale.

L'identità italiana ci sembra multiforme, molteplice e ci piace pensare che il multiculturalismo italiano sarà da conservare, non da cancellare. Concludo con le parole tratte dal libro che ho più volte citato: "L'Italia, con le sue mille identità di campanile, si trova forse nella posizione giusta per affermare la funzionalità del suo modello ... {alimentare e gastronomico} ... particolarmente adatto a sostenere la sfida *globale* che sembra aspettarci nel futuro più prossimo"¹⁴

---

¹⁴ Montanari M. Op. cit. P. 81.